

Портрет графа Ю.А.Олсуфьева

Граф Ю.А. Олсуфьев был одним из главных создателей историко-художественного музея на основе ценностей Троице-Сергиевой лавры. Об этом говорилось в статье Т.В. Смирновой («Подмосковный летописец» 2010, № 4. С. 58–65). Но что стало с этим человеком после того, как в мае 1928 г., спасаясь от ареста, ему пришлось спешно покинуть Сергиев Посад? Каким он был, этот выдающийся деятель культуры?

По приглашению И.Э. Грабаря Олсуфьев в 1928 г. поступил в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). Сразу же был привлечен к комплектованию заграничной выставки русских икон и к составлению ее каталога. Ежегодно ездил, обычно вместе с женой, в экспедиции – описывал произведения искусства, отмечал их сохранность, наличие записей и пробных расчисток. Спасал от гибели сотни икон, сваленных после закрытия церквей в неподходящие для хранения помещения. Когда был арестован в 1930 году А.И.Анисимов, вел его научную тему по монументальной живописи. Обследовал состояние фресок, изучал причины их заболевания, разрабатывал способы консервации и реставрации. Занимался и текущей работой: писал учетные карточки, работал с негативами, вел журнал. После того как в 1934 году ЦГРМ были закрыты, руководил секцией реставрации древнерусской живописи Третьяковской галереи и работал в ней до ареста 24 января 1938 г.

Единственный живописный портрет Ю.А. Олсуфьева работы В.А. Комаровского был опубликован по черно-белой фотографии¹. Местонахождение самого портрета, в настоящее время неизвестно. Но вот радость! Не так давно по моей просьбе А.Н. Бобринский, внук художника, разыскал цветной диапозитив.

Перед нами изображение человека с длинной бородой, в белой рубашке. Этот облик графа вызывает сначала некоторое недоумение. Но оказывается – он абсолютно правдив. «... даже граф Олсуфьев отпустил бороду, ходит в рубашке...», – возмущалась, по словам М.М. Пришвина, одна из жительниц Сергиева Посада².

Зададимся, прежде всего, вопросом о времени создания портрета. Семья графа В.А. Комаровского приехала в Сергиев Посад осенью 1923 года. А уже в апреле 1925-го художника арестовали и выслали на Урал, в Ишим. Так что, скорее всего, портрет написан в 1924 году, летом.

Вот запись в дневнике О.А. Бессарабовой, которая видела графа на сенокосе двумя годами ранее: «Косил траву и Олсуфьев. Живописная фигура. Длинная курчавая борода, красивое лицо с большим лбом на почти лысой голове.<...> В лаптях, в онучах полосатеньких, в белой рубашке тонкого полотна, в шляпе из материи. Он уже стал отвыкать от обычного своего жеста – в первый момент встречи в поле: маленькой загорелой рукой всполошенно трогает то место, где должен быть галстук и где теперь просто расстегнутая пуговица»³.

Косил, потому что надо было заготовливать сено: Олсуфьевы, переселившись в 1917 г. из своей усадьбы в Сергиев Посад, «...под покров Преподобного»⁴, купили дом, держали лошадь и корову, которую доила графиня Софья Владимировна. И надо было еще и пахать, и сеять. Граф даже организовал сельскохозяйственную коммуну, первую в Сергиевом Посаде. Н.Д. Шик, урожденная княжна Шаховская писала, что в 1921 г, «под влиянием голода предшествовавших лет и по инстинктивному тяготению к “земле” мы взялись за обработку участка земли. Основными членами нашей маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом была неутомимая энергия Ю[рия] А[лександровича] и собственные наши руки. <...> Староста нашей маленькой артели постоянно кипел хозяйственным азартом, заряжая им моего мужа»⁵.

Граф-трудящийся – так можно было бы назвать Олсуфьева. Вся жизнь в трудах. В своей усадьбе Буйцы в Тульской губернии. В строительстве храма на Куликовом поле. На Кавказском фронте во время Первой мировой войны. В Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В Сергиевском историко-художественном музее. В Центральных государственных реставрационных мастерских. В Третьяковской галерее. И в хозяйственных заботах. «В начале 1920-х годов Юрию Александровичу Олсуфьеву было сорок с небольшим лет. Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом он, может быть, был похож на крестьянина, когда в зимнее время, в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке, он со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова», – вспоминала его родственница графиня А.В. Комаровская⁶.

Художник и иконописец граф Владимир Алексеевич Комаровский был дружен с Олсуфьевым со студенческих лет – в начале XX века оба учились в Петербургском университете, вместе путешествовали по Италии, изучая памятники искусства. Оба женились на внучках князя Николая Петровича Трубецкого. Комаровскому заказал Олсуфьев написать иконы для храма во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле – тот уже имел тогда опыт иконописца. Началась война, и художник оказался рядом в Олсуфьевым – вместе работали по организации походных санитарных отрядов во Всероссийском Земском союзе. В Сергиев Посад Комаровские приехали после того, как их выселили из подмосковной усадьбы Измалково. Жили они в доме Олсуфьевых.

При взгляде на портрет становится очевидно, что художник писал с натуры, скорее всего за один-два сеанса. Достаточно сравнить его с законченностью сделанного Комаровским в то же время известного портрета о. Павла Флоренского (в светлом одеянии), созданию которого предшествовали четыре или пять портретов о. Павла.

В те годы графа видел писатель Леонид Леонов, приехавший в Лавру в середине 1920-х годов: «Водил меня по ризнице и тайникам старик Олсуфьев, (а ему не было и 50-ти! – Т.С.) <...> из прежних, судя по глазам, познавший юдоль жизни»⁷. Это почувствовал и передал художник. Светлый, размытый ореол вокруг головы – не предвиденье ли это мученического конца?

Слева на портрете – два герба: верхний – графов Олсуфьевых. Долго для меня оставался загадкой другой герб. Невозможно было согласиться с мнением, что это герб графов Комаровских⁸. И вот совсем недавно благодаря В. В. Бибикову – Президенту Союза Возрождения Родословных Традиций выяснилось, что это герб графов Соллогуб. Мать Ю.А. Олсуфьева Екатерина Львовна была из этого рода. Подумайте, как относился Ю.А. Олсуфьев к матери, если попросил художника поместить этот герб на портрете! О том, как он любил мать, видно и по его воспоминаниям⁹.

И что-то еще есть в этом необыкновенном, в этом гениальном портрете, портрете графа. И дело даже не в гербах. Есть в его облике такое, что трудно выразить. В одном архангельском альманахе я прочла дневники нашего писателя-деревенщика Федора Абрамова. Путешествуя по Европе, он встретил француза – графа, работавшего на земле. И записал: «Как будто ничем не отличается. И все-таки чем-то отличается. Руки. Ум. <...> В природе мы редких животных заносим в Красную книгу. А почему не делать того же в отношении людей? Люди разве менее заслуживают внимания как явления природы?»¹⁰.

Долгое время предполагалось, что В.А. Комаровский написал единственный портрет Ю.А. Олсуфьева. Но оказалось, что был еще его портрет, написанный художником по памяти. В Ишиме была опубликована переписка Комаровского с женой. Благодаря любезности Т.П. Савченковой, сотрудницы одного из музеев этого города, удалось ознакомиться с этой публикацией. Художник переслал несколько своих работ в Сергиев Посад. В их числе были автопортрет на красном фоне (он находится теперь в Нукусе, в

Каракалпакском музее искусств им. И.В.Савицкого) и второй портрет Олсуфьева. Жена писала ему: «...вчера мы открыли твои картины <...>. Юрию [Олсуфьеву] больше всего нравится твой автопортрет, сестрам о. П[авла] [Флоренского] портрет Юрия, а самому о. П[авлу] другие вещи...». И сообщила, что Флоренский предполагает написать о портрете статью¹¹.

Этот портрет Ю.А. Олсуфьева не сохранился. Написан он был, очевидно, в иконописном стиле, как и другие работы художника в этот период. В одном из его писем из Ишима есть такие строки: «Между прочим, красный фон на портрете Ю[рия Олсуфьева], конечно, случаен по отношению к Ю[рию], но он не случаен для меня...»¹². Тогда художник, интуитивно выбрав тревожный красный фон для портретов, видимо, еще не понял, как сходны окажутся их судьбы.

В записной книжке Олсуфьева есть такие слова: *«Прощаясь с жизнью, хотел бы с ней проститься здесь». 10/23 июля 1933 года, Старая Ладога.* Но не суждено было ему снова встретиться с древними фресками Георгиевского храма Старой Ладоги, увидеть как там *«липа цветет, гудят и вьются пчелы»*, почувствовать, что *«воздух насыщен ароматами кашек, сурепицы, аниса и цвета липы»*¹³. Его расстреляли 14 марта 1938 года на Бутовском полигоне под Москвой. 5 ноября 1937 года в ту же землю лег и автор портрета.

¹ *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи // М., 2006. С. 185; *Юрий Александрович Олсуфьев.* Из недавнего прошлого одной усадьбы. Изд. подготовлено Г.И. Вздорновым. М., 2009. С. 274.

² *Пришвин М.* 1930 год // Октябрь. 1989, № 7. С. 157.

³ Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники /1915–1925/ Ольги Бессарабовой. М., 2010. С. 484.

⁴ *Олсуфьев Ю.А.* Из недавнего прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 166.

⁵ *Шик Н.Д.* Мои встречи с С.П. Мансуровым. Рукопись. Частный архив.

⁶ *Комаровская А.В.* Мое детство в Сергиевом Посаде // Граф Ю.А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде. Исследования и реставрация. М., 2006. С. 349–350

⁷ *Леонов Л.* Из записной книжки // Наше наследие. 2001, № 58. С. 103.

⁸ *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи... С. 185.

⁹ Из недавнего прошлого одной усадьбы ...

¹⁰ Французский дневник Федора Абрамова // Белый пароход. [Архангельск] 1993, № 1. С. 10.

¹¹ «Необыкновенно яркие здесь звезды...». Письма В.А.Комаровского к В.Ф.Комаровской 1925–1928 гг. // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2001. Вып. 3. С. 102.

¹² Там же. С. 95.

¹³ *Олсуфьев Ю.А.* Из недавнего прошлого одной усадьбы... С. 254.